This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

23/2/66

Цѣна 50 пф. Preis 50 Pf.

N. 20
N. O. H.

Und der Wald brannte ...

Skizze von Skitaletz.

Petrov, S. G.

СКИТАЛЕЦЪ.

ЛѢСЪ РАЗГОРАЛСЯ...

Этюдъ.

STUTTGART.
Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger
1906.

kc

PG 3467
P25 L4
1906

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ
во всѣхъ странахъ —
гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Uebersetzungsrecht in fremde
Sprachen.

DRUCK VON ROSENTHAL & CO, BERLIN SO. 16,
Runge-Strasse 20.

СКИТАЛЕЦЪ.

ЛѢСЪ РАЗГОРАЛСЯ...

I.

На луговой сторонѣ Волги стоитъ голая, каменистая гора, похожая на опрокинутый вверхъ дномъ котелъ. Зовутъ ее Курганомъ.

Курганъ странно и неожиданно возвышается на плоскомъ песчанномъ берегу. Передняя часть его, обращенная къ рѣкѣ, безжизненно-каменная, а затылокъ покрытъ зеленой березовой гривой.

Позади кургана гладкая степь до самаго горизонта.

У подошвы горы пріютилось маленькое село съ бѣлой церковкой и называется Буяномъ.

Весной Волга подходитъ вплоть къ селу и кургану, заливаетъ кругомъ всѣ луга и перелѣски и тогда стоитъ курганъ среди широкой водной равнины. Черезъ Волгу, прямо противъ кургана, виднѣются крутыя зеленыя горы, заросшія кудрявымъ лѣсомъ, окаймленныя внизу, около воды, сверкающей бѣлой полосой: это каменноломни обнажили ихъ дѣвственныя известковыя груди.

И стоятъ горы, словно дѣвичій хороводъ, зеленой гирляндой, бѣлогрудыя, кудрявыя, отраженныя въ рѣкѣ, какъ въ зеркалѣ, и молча улыбаются кургану, но курганъ угрюмъ и печаленъ: голый, каменный, онъ словно сжалъ и затаилъ въ твердомъ сердцѣ своемъ огромное, глубокое горе.

Изъ-за спины его глядитъ сѣрое, голодное село, съ маленькой бѣленькой церковью.

Бѣдно живетъ Буянъ. Земли у буяновцевъ мало и родитъ она плохо; они умерли бы съ голоду, если бы не кормилица — Волга, если бы не благодатныя горы: весной у кургана бываетъ хлѣбная пристань и буяновцы „грузятъ", а лѣтомъ они идутъ въ горы, въ каменноломни и ломаютъ камни.

Тяжелъ и суровъ ихъ трудъ: каждый годъ во время ломки камня погибаетъ ихъ нѣсколько человѣкъ, раздавленныхъ каменной глыбой и каждый день кто-нибудь возвращается съ работы окровавленный. Оттого и характеры у буяновцевъ дерзкіе, мрачные, оттого и пропиваютъ они осенью почти весь свой лѣтній заработокъ.

Вдали съ кургана видѣнъ большой красивый городъ. Днемъ онъ блеститъ на солнцѣ золотыми головами церквей, а ночью горитъ красными огнями, словно тысячью пламенныхъ глазъ. И кажется, что многоглавый исполинскій звѣрь днемъ и ночью смотритъ на приволжскія села, внушаетъ имъ что-то и властно притягиваетъ къ себѣ своимъ огнемъ и блескомъ, какъ бы простирая къ нимъ длинныя, лучистыя нити, по которымъ льется токъ его жизни, отзываются удары его сердца. Онъ не только вытягиваетъ изъ этихъ селъ жизненныя силы, но и самъ даетъ имъ въ обмѣнъ что-то горькое и острое, блестящее и опасное, то, что мучитъ, но зажигаетъ, что становится огненнымъ оружіемъ противъ него же. Можно подумать, что въ дымящихся зданіяхъ каменноломенъ, мельницъ и кузницъ, разбросанныхъ по берегу у подножія горъ, зданіяхъ, гдѣ мучатся порабощенныя села и деревни, сотни мускулистыхъ рукъ уже куютъ богатырскій мечъ освобожденія. А кругомъ по обоимъ берегамъ громадной рѣки день и ночь горятъ заповѣдные, вѣковые лѣса. Облака сѣраго дыма вмѣстѣ съ запахомъ гари, разрѣжаясь, плывутъ надъ горами отъ горизонта къ Волгѣ и надъ нею стоитъ сѣрый дымный туманъ.

Ночью по всему небосклону, то за лѣсистыми горами, то въ далекой степи, пылаетъ гигантское зарево, освѣщающее кровавымъ свѣтомъ высокое ночное небо. Едва потушатъ пожаръ въ одномъ мѣстѣ, какъ огонь появляется въ другомъ. Но крестьяне какъ бы не замѣчаютъ лѣсного пожара: даже между собою не любятъ говорить о немъ. Лица ихъ серьезны, уклончивая рѣчь коротка и осторожна. Молчатъ крестьяне.

Горитъ огромное богатство, дивная красота, первобытный уголъ міра. Быть можетъ скоро пламя охватитъ милыя кудрявыя горы, обойметъ каждую стройную сосенку и запылаетъ вся страна.

Тревожнымъ настроеніемъ затишья передъ грозой охвачено все кругомъ: и горы, и Волга, и старый печальный курганъ.

Тревожнѣе блеститъ вдали каменный городъ, окутанный облакомъ дыма и пыли, напряженнѣе смотритъ онъ въ темную весеннюю ночь своими кровавыми глазами на тихія приволжскія села, озадаченный тѣмъ, что со всѣхъ сторонъ приближается пламя.

Все молчитъ, молчитъ напряженно, тревожно, торжественно.

Лѣсъ разгорается . . .

II.

Сельскій учитель с. Буяна Дивногорскій сидѣлъ утромъ передъ раскрытымъ окномъ своей маленькой квартирки, пилъ чай и поджидалъ къ себѣ въ гости мужика Мирона, обычнаго и почти единственнаго своего посѣтителя.

Дивногорскій — длинный, нескладный юноша, съ первымъ пухомъ на румяныхъ щекахъ, застѣнчивый, робкій и тупой на видъ, былъ здѣсь учителемъ недавно и уже тяготился своимъ положеніемъ; исключенный за малоуспѣшность изъ духовнаго училища онъ долго шатался безъ дѣла и, наконецъ, чтобы не идти въ солдаты, пристроился въ учителя. Но ему претила возня съ ребятишками, дерзкими и озорными, какъ и все село; ребятишки и мужики не взлюбили его, а онъ сталъ бояться ихъ.

Юноша не ожидалъ, чтобы мужики вообще могли быть такими, какими онъ ихъ нашелъ; ему казалось, что они умнѣе его и желаютъ дать это почувствовать, при всякомъ разговорѣ предлагаютъ ему замысловатые вопросы и злорадно любуются его невѣжествомъ, ненаходчивостью и мальчишескимъ смущеніемъ.

А невѣжество свое онъ впервые почувствовалъ только здѣсь. Прежніе учителя пріучили здѣшнихъ мужиковъ къ воскреснымъ лекціямъ, любительскимъ спектаклямъ, къ запрещеннымъ книжкамъ и всякимъ умственнымъ разговорамъ. Обо всемъ этомъ Дивногорскій

не имѣлъ понятія, какъ будто жизнь его до сихъ поръ проходила гдѣ-то въ пустынѣ. И ему хотѣлось какъ можно скорѣе сложить съ плечъ непосильное бремя учительства.

Уйду въ дьякона — думалъ онъ, помѣшивая ложечкой простывшій чай. Широкія бѣлыя брови юноши были низко опущены надъ маленькими сѣрыми глазами, смотрѣвшими угрюмо и грустно, а пухлыя сочныя губы, чуть-чуть оттѣненныя золотистымъ пушкомъ, не шли къ глазамъ и складывались въ капризную дѣтскую улыбку. Мысль о дьяконствѣ онъ уже вслухъ высказывалъ сторожу и сторожъ иронически одобрилъ ее.

Хотѣлось ему объ этомъ поговорить еще и съ Мирономъ, молодымъ, грамотнымъ парнемъ, который за послѣднее время что-то часто повадился къ нему приходить. Въ первый разъ Миронъ пришелъ недѣли двѣ назадъ, помолился на икону и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Здравствуйте.

— Здравствуй! Чего тебѣ?

— А до вашей милости, Иванъ Петровичъ, съ докукой.

— Съ какой?

— А вотъ вы люди ученые, всякія умныя книги читаете . . .

— Ну, такъ что-же?

— А мы — мужики — дураки, ничего не знаемъ. . .

— Ну?

Миронъ осклабился.

— Нѣтъ ли у васъ какой книжечки почитать?

Дивногорскій не ожидалъ такого вопроса и запнулся.

Есть у меня книги, да вѣдь они . . . того . . .

— Чего?

— Не разрѣшены для васъ, для мужиковъ . . .

Миронъ словно ждалъ такого отвѣта.

— Какъ это не разрѣшены? Для всѣхъ разрѣшены — а для насъ — нѣтъ? Отчего? Почему такое?

На учителя посыпался дождь щекотливыхъ вопросовъ. Юноша растерялся. Вопросы Мирона казались заранѣе обдуманными и привели учителя къ тому, что пришлось дать книгу изъ „неразрѣшенныхъ".

Но Миронъ не отвязался. Черезъ два дня онъ опять пришелъ возвратить прочитанную книгу и опять завелъ разговоръ, въ формѣ вопросовъ, которыми онъ какъ-бы вытягивалъ желаемые отвѣты. Дивногорскому было не по себѣ.

— А вотъ — завелъ Миронъ, уже развязно сидя на стулѣ передъ стоявшимъ учителемъ — есть ищо одна книга по ефтому самому, какъ бы сказать, вопросу . . .

И онъ, смѣшно перевирая, съ трудомъ выговорилъ какое-то иностранное слово.

— Вы, чай, знаете ее? читали?

— Нѣтъ, не читалъ . . . сконфузившись, произнесъ юноша.

— А я читалъ! — неожиданно заявилъ Миронъ и медленно вытащилъ изъ кармана истрепанную книгу — не желаете ли почитать? Примѣчательная книга.

Съ тѣхъ поръ они стали обмѣниваться книгами, а визиты Мирона стали почти ежедневными.

— Мужикъ! — съ досадой думалъ про него Дивногорскій — какой онъ мужикъ? онъ — студентъ! нахватался гдѣ-то верхушекъ, брошюръ, книгъ, обо всемъ толкуетъ, обо всемъ знаетъ, выписываетъ какую-то газету . . . что я ему дался? зачѣмъ ходитъ?

Къ Мирону зародилось у него двоякое чувство: завистливой вражды и невольнаго уваженія. Ему хотѣлось сравняться съ Мирономъ въ развитости и выйти изъ того унизительнаго положенія ученика, въ которомъ онъ нечаянно очутился.

Онъ смотрѣлъ въ окно и все хмурился. Весеннее утро было тихое, отрадное. На широкую сельскую площадь, заросшую зеленой травой, падала горбатая тѣнь кургана. Волга тихо дрожала на солнцѣ. У берега чернѣла длинная купеческая баржа, которую крючники-буяновцы уже болѣе недѣли съ перерывами нагружали чужимъ хлѣбомъ, а теперь почему-то забастовали и кажется, что забастовкой тоже руководилъ Миронъ. За дверью послышались тяжелые быстрые шаги; учитель обернулся; на порогѣ стоялъ улыбающійся молодой парень — Миронъ. Онъ вошелъ — и Дивногорскому показалось, что все кругомъ стало яснѣе, веселѣе и проще, а самъ Дивногорскій почувствовалъ себя болѣе умнымъ и болѣе нужнымъ для людей и все это зависѣло, должно-быть, отъ широкой улыбки Мирона, отъ его сіяющихъ сѣрыхъ глазъ и всей крѣпкой, бодрой фигуры.

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ! чай да кофей, — звучнымъ теноромъ громко заговорилъ Миронъ.

— Милости прошу! — улыбнулся и Дивногорскій — садись за компанію.

— Милости прошу къ нашему грошу со своимъ пятакомъ! — досказалъ Миронъ, садясь, и засмѣялся, мелкимъ разсыпчатымъ смѣхомъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ походилъ на студента изъ крестьянъ: это былъ крѣпышъ лѣтъ двадцати семи, блондинъ съ маленькими бѣлокурыми усами, съ красивымъ загорѣлымъ лицомъ. Сѣрые глаза его искрились умомъ, хитростью и весельемъ. Такія лица бываютъ у бѣдняковъ студентовъ и еще у нѣкоторыхъ рабочихъ. Волосы онъ стригъ „ежикомъ", одѣвался въ синюю рабочую блузу и высокіе сапоги. Но, походя на студента, онъ все-же оставался мужикомъ: онъ былъ крѣпкій, ядренный, сочный, какъ морковь, только-что вытащенная изъ влажной, теплой земли. Онъ весь былъ насыщенъ запахомъ солнца и поля.

Миронъ придвинулъ къ себѣ стулъ, сѣлъ къ самовару и, кивнувъ на открытое окно, спросилъ:

— Любуетесь?

— А чѣмъ тутъ любоваться? — угрюмо отвѣтилъ учитель.

— Какъ чѣмъ? лѣсъ горитъ! Казенный лѣсъ! Вы сходите-ка на курганъ, да оттудова поглядите: такъ и полыщетъ!

— Дымище надо всей Волгой столбомъ стоитъ! Страсть! Вотъ, братъ, Иванъ Петровичъ, до чего дошло!

— Отчего же оно горитъ? — пробурчалъ учитель, хмурясь и прихлебывая чай.

Миронъ слегка отодвинулся отъ стола, прочно усѣлся на стулѣ, какъ разъ противъ учителя, разставилъ короткія ноги въ тяжелыхъ сапогахъ, уперся руками въ колѣни, глубокомысленно нахмурился и воскликнулъ своимъ звучнымъ груднымъ теноромъ:

— Какъ отчего? Да мужики-же поджигаютъ! Неушто не знаете? Стражники давно ужъ перестали тушить: все равно никакого толку не выходитъ, вродѣ того, какъ бы на смѣхъ: въ одномъ концѣ зальютъ, а — хвать — съ другого занялось. Рази можно что подѣлать супротивъ народа? Все сгоритъ!

— Неужели? — изумился учитель, близко нагнувшись къ Мирону и глядя ему въ лицо.

А свѣтло-сѣрые глаза Мирона сіяли какимъ-то особеннымъ привлекательнымъ огонькомъ. Онъ пришелъ точно до краевъ переполненный какими-то большими чувствами.

— Весь народъ, — продолжалъ Миронъ самоувѣренно, — зашевелился! На томъ берегу что дѣлается — слышали? Васильевцы забастовали ренду платить — говорятъ: не дадимъ одиннадцать рублей за десятину, хотимъ только пять . . . А въ другихъ, которыхъ деревняхъ, и того не платятъ: давайте, говорятъ, намъ землю даромъ, потому-что наша она — крестьянская!

Миронъ энергично тряхнулъ головой, стукнулъ себя по колѣну и воскликнулъ, сіяя глазами:

— И дали даромъ! Ого!

Онъ весь дышалъ злораднымъ мужицкимъ торжествомъ. Широкая синяя блуза была полна его мускулистымъ, крѣпкимъ тѣломъ, облегала плечи и замѣтно было, какъ высокая плотная грудь Мирона глубоко и свободно дышала.

Учитель, облокотясь на подоконникъ, и вытянувъ свои длинныя, худыя ноги въ короткихъ брюкахъ, молча смотрѣлъ на него, слушалъ, заражался его самоувѣренностью и ощущалъ желаніе такъ-же волноваться, имѣть такую-же объемистую грудь, какъ у Мирона, и такимъ же звучнымъ груднымъ голосомъ говорить о народѣ.

— Димакраты! — неожиданно воскликнулъ Миронъ — они говорятъ эдакъ, иные — прочіе господа — такъ! . . . Онъ повернулъ растопыренную ладонь сначала въ одну, а потомъ въ другую сторону — и всѣ промежъ собой споръ ведутъ!

Онъ развелъ руками, пожалъ плечами и глубокомысленно нахмурился:

— Не намъ ихъ разбирать! мы, мужики, знаемъ одно: землю! Тамъ вы какъ хотите, а намъ перво-наперво землю подайте! нарѣжьте намъ землю, а потомъ мы ужо поглядимъ и сами разберемъ всю вашу нелягальную литературу!

Миронъ чуть было не подавился двумя послѣдними словами, но выпалилъ ихъ самоувѣренно.

— А не дадите — сами возьмемъ! — добавилъ онъ гордо.

Когда онъ заговорилъ о землѣ, лицо его преобразилось, приняло одухотворенное, поэтическое выраженіе, глаза сверкали, грудной голосъ тепло вибрировалъ. И чувствовалась въ немъ могучая жажда земли, нѣжная любовь къ ней. Онъ словно сжалъ и затаилъ въ сердцѣ

что-то огромное и тяжелое и только слово „земля“ могло всколыхнуть затаенное.

Сильнымъ человѣкомъ показался въ эту минуту Миронъ Дивногорскому.

— Да будетъ ли все это когда-нибудь? — жалобно спросилъ учитель — побѣдитъ ли народъ?

Миронъ словно загорѣлся весь.

— Будетъ! — съ необыкновенной силой убѣжденія отвѣчалъ онъ. — Побѣдитъ! Восторжествуетъ правда!

Глубоко взволнованный, онъ замолчалъ и, глядя на собесѣдника блестящими глазами, полными слезъ, почти прошепталъ трепещущимъ отъ сильнаго чувства голосомъ:

— Насталъ великій часъ!

Оба торжественно замолчали. Сердце Дивногорскаго трепетало. Словно волна прокатилась и захватила ихъ, или огненная искра, родившись въ душѣ одного, проникла въ сердце другого и обожгла это сердце.

Слезы на глазахъ мужика сверкнули и высохли, голосъ опять зазвучалъ ровно и твердо, но долго еще послѣ этой минуты сердце юноши продолжало горѣть и трепетно биться.

Миронъ придвинулся къ нему ближе, наклонился къ самому лицу и заговорилъ тихимъ, таинственнымъ голосомъ:

— Въ Ключахъ мужики землю захватили у помѣщиковъ . . . Выѣхали въ поле и давай пахать . . . Конечно, скачетъ стражникъ верхомъ. „Что вы дѣлаете?“ а ему говорятъ: „не лѣзь! рази не видишь? весь міръ здѣсь!“

Голосъ Мирона опять затрепеталъ и зазвенѣлъ, какъ струна, лицо словно освѣтилось изнутри, глаза сіяли.

— Весь міръ! — повторилъ онъ, вставая и наклоняясь къ другу; въ мерцающихъ глазахъ Мирона былъ восторгъ и любовь, дѣтская вѣра и сила внушенія, — міръ! . . .

Онъ хотѣлъ было разъяснить смыслъ этого слова учителю, но только махнулъ рукой и сталъ продолжать:

— Стражникъ поглядѣлъ: видитъ — народу много, что съ нимъ подѣлаешь, съ народомъ-то? подумалъ и говоритъ: Братцы! я и самъ знаю, что ничего противъ васъ не могу, да вѣдь — служба! взыщутъ съ меня! вонъ управляющій на меня въ окошко глядитъ! пожалѣйте, притворитесь будто бы я васъ прогналъ, такъ — для близиру, а когда уѣду — опять пашите! Ну, мужики пожалѣли его, повернули назадъ, стражникъ уѣхалъ, а они воротились. Управитель все это видитъ и присылаетъ сказать имъ: — хочу, дескать, добромъ поговорить съ вами, соберитесь къ моему крыльцу. — Мужики послушались, пришли. Вышелъ на крыльцо, старичишко, Мосеемъ его зовутъ, я его знаю: хитрый, изъ мужиковъ онъ и вся мужицкая душа наизусть ему извѣстна. Поклонился на обѣ стороны всему народу, сдѣлалъ харю ласковую и говоритъ: Православные! Не я хозяинъ землѣ, мнѣ все равно, а только я добра вамъ хочу, потому какъ и самъ я мужикъ: Ну, хорошо, запашете вы землю . . . вѣдь должны вы знать, что даромъ это вамъ не пройдетъ: пріѣдутъ казаки, начальство, что тутъ хорошаго? а не лучше ли, говоритъ, сдѣлать такъ: я вамъ земличку-то вспашу и посѣю на ней, а время придетъ — уберу, обмолочу и въ амбаръ ссыплю. А вы осенью придете, да все готовенькое и возьмете? Ась?

Миронъ, изображая управляющаго, заговорилъ смѣшнымъ старческимъ голосомъ и состроилъ такую комическую рожу, что учитель не выдержалъ и расхохотался.

— Ахъ, чортова ноздря! — воскликнулъ онъ, заливаясь тонкимъ бабьимъ смѣхомъ и брыкнувъ ногами. — Ну, что-же мужики-то?

— Мужики? — ухарски переспросилъ Миронъ — мужики задумались, помолчали маленько, а опосля того говорятъ ему: Вѣрно!

И опять онъ изобразилъ изъ себя мужиковъ, которые задумались надъ ехиднымъ предложеніемъ старичишки, неуклюжія мужичьи фигуры, простодушныя рожи и легковѣріе на этихъ рожахъ.

— Хи-хи-хи! взвизгивалъ развеселившійся учитель, чудакъ ты, братъ Миронъ. Какъ это все у тебя ловко выходитъ! и откуда ты все знаешь? Я вотъ, напримѣръ, про здѣшнюю забастовку и то ничего не знаю!

— А что-же вамъ рази надо про нее знать? — серьезно спросилъ Миронъ.

— Очень любопытно! — вспыхнувъ признался юноша.

— Ну, такъ я разскажу вамъ . . .

Миронъ опять отодвинулся отъ учителя, облокотился на спинку стула, положилъ ногу на ногу и сталъ разсказывать.

— Составилась насъ артель, — началъ онъ дѣловымъ обстоятельнымъ тономъ, — въ двѣсти-пятьдесятъ человѣкъ. Прежде-то всегда по четыре рубля съ тысячи грузили, а теперича захотѣли наши грузчики свою цѣну поставить. Отрядили меня съѣздить въ городъ — цѣны узнать. Поѣхалъ я. Вижу въ городѣ всѣ бастуютъ, грузчики — тоже, и мы забстовали на десяти. Тогда купецъ бросился въ степныя деревни и набралъ тамъ пока-что человѣкъ тридцать по старой цѣнѣ. Мы имъ и сказали: что вамъ за охота по четыре, когда мы хотимъ не только для себя, но и для васъ десяти достигнуть. Вѣдь васъ тридцать, а насъ двѣсти-пятьдесятъ, вашей смѣнѣ разъ въ недѣлю придется грузить. Много ли заработаете? Проѣдите больше!

Ну они сейчасъ-же перешли на нашу цѣну и стали вмѣстѣ съ нами бастовать. Онъ — другую артель — и другая къ намъ пристала. Дѣлать нечего — согласился. Поработали немного — опять вчерась забастовали: просимъ двадцать.

— Ну, это пожалуй не того, не хорошо! — возразилъ учитель.

— Не хорошо-о? — иронически протянулъ Миронъ и вдругъ поблѣднѣлъ: на лицѣ его выразилась ненависть, тонкія ноздри расширились, глаза сверкнули недобрымъ огнемъ и весь онъ, энергичный и дикій, напомнилъ какого-то красиваго, опаснаго звѣря.

— Нѣтъ, это хорошо! — крикнулъ онъ. — Купецъ-то вѣдь скулилъ: что вы со мной дѣлаете? Это раздѣванье нашего брата! Я, говоритъ, въ городъ поѣду, губернатору донесу, казаковъ сюда потребую, усмирю васъ! А я и говорю ему: ваше степенство! сколько лѣтъ мы чуть не даромъ на васъ работали, когда была ваша сила, а, вѣдь, не ѣздили къ губернатору усмирять вашъ аппетитъ! Отчего-же вы то, говорю, теперь о казакахъ мечтаете?

— Что у насъ здѣсь? безпорядки али бунтъ? Ничего, молъ, такого нѣтъ! Напротивъ того — у насъ, ваше степенство, теперича оч-чень даже тихо! А ежели вамъ кажется, что отъ нашей забастовки ваша милость чахнетъ и хизнетъ, то, молъ, у вашего степенства еще многонько осталось! Подошелъ и пальцемъ ему въ толстое брюхо ткнулъ.

Миронъ зло засмѣялся и началъ ходить по комнатѣ. Учитель сконфуженно слѣдилъ за нимъ глазами и, видимо, не находилъ возраженій.

Успокоившись, Миронъ опять заговорилъ:

— У насъ, вѣдь, на самомъ дѣлѣ теперича во всемъ селѣ тишина: ни дракъ, ни пѣсенъ! Винную лавку закрыли приговоромъ, всѣмъ селомъ согласились такъ, что бы не пить: не такое время. Мужикъ теперь долженъ быть постоянно трезвый, потому-что пьяный онъ не вытерпитъ, разгорячится и выболтаетъ что-нибудь секретное . . . У насъ только одинъ разъ и отпирали казенку, когда намедни исправникъ пріѣзжалъ и съ похмѣлья былъ . . .

Миронъ стоялъ посреди комнаты, широко разставивъ ноги и потрясая поднятой кверху рукой, ораторствовалъ передъ учителемъ:

— Протрезвились мужики! Проспались! Призадумались! Помяните мое слово: будутъ теперь дѣла у насъ! . . .

И какъ бы вспомнивъ что-то внезапное, Миронъ развеселился и прервалъ самого себя:

— А попъ-то нашъ! . . . весело вскричалъ онъ — слышали какъ онъ проповѣдь сказалъ про нашу забастовку?

— Нѣтъ, я не былъ! — отозвался учитель.

— Не были? Скандалъ вышелъ въ церкви! Пошли мы съ отцомъ моимъ пѣвчихъ послушать въ воскресенье къ обѣднѣ . . . Ладно. Вотъ попъ вышелъ проповѣдывать. Горе вамъ, говоритъ, братіе. Ефто все внѣшніе и внутренніе враги устраиваютъ вамъ ваши окаянныя забастовки. Всѣ, говоритъ, будьте довольны тѣмъ, что у васъ есть, а лишнее — ближнему. А кто ближній? Начальники. Тутъ мой отецъ не вытерпѣлъ, протолкался къ нему поближе, да какъ заоретъ ему на всю церкву, проповѣдь перебилъ: Батюшка! У насъ вотъ земли нехватка, а у помѣщиковъ много ее! Что-же они съ нами не подѣлятся?

Голосъ Мирона опять дрогнулъ уже знакомой учителю струнной дрожью, лицо преобразилось, на глазахъ сверкнули слезы. И опять волна сильнаго чувства охватила обоихъ, а жгучая искра, рожденная однимъ сердцемъ, вновь зажгла другое. Слово „земля“ гремѣло въ душѣ Мирона, оно потрясало ее, зажигало въ немъ сердце. Только это слово.

— Остановился попъ и отвѣчаетъ строго: а это, говоритъ, кому сколько дадено свыше: овому талантъ, овому два. Тутъ вся церква такъ и загудѣла: А! хорошо попу говорить! Онъ сытъ! Отецъ мой подступилъ къ нему совсѣмъ близко, головой мотаетъ, длинную бо-

роду впередъ выставилъ, весь дрожитъ со зла, лысина свѣтится, кафтанъ распахнулъ, уперся въ боки, да и говоритъ ему: Эхъ ты, попъ, попъ ты и есть! Пустозвонъ ты, пустосвятъ! Все-то ты врешь, да еще и писанія не знаешь! Понимаешь ли ты, что значитъ талантъ, въ какомъ смыслѣ и къ чему про талантъ въ писаніи сказано? — и пошелъ, и пошелъ чесать . . . А народъ галдитъ, никто никого не слушаетъ. Скандалъ. Попъ — тягу, въ алтарь, а народъ весь изъ церкви разошелся съ руганью, съ гвалтомъ, со злостью . . .

Миронъ выпрямился и воскликнулъ смѣясь:

— Вотъ такъ обѣдня была!

Онъ жестикулировалъ передъ учителемъ, въ лицахъ изображая попа, своего отца и мужиковъ, а учитель, не спуская съ него глазъ, и съежившись на стулѣ, жадно слушалъ его разсказы. Онъ думалъ о попѣ и о томъ, что такое талантъ . . . И талантъ казался ему то могучей волной любви одного человѣка къ другимъ людямъ, то жгучей искрой, рожденной сильнымъ сердцемъ и зажигающей слабыя души. Въ головѣ его смутно мелькала мысль, что, пожалуй, не стоитъ, уже уходить въ дьякона, потому-что тогда Миронъ навѣрно лишитъ его дружбы, прекратитъ свои интересныя посѣщенія и что надо какъ нибудь такъ жить, чтобы возвыситься во мнѣніи Мирона. Но какъ-же? Что нужно дѣлать?

— Приходи ужо на курганъ! — какъ бы отвѣчая на его мысли, сказалъ Миронъ и взялся за картузъ.

— А что? — просіялъ вдругъ учитель.

— Будетъ собраніе трезвенниковъ, всего нашего кружка сознательныхъ мужиковъ!

— Приду, непремѣнно приду! — радостно забормоталъ учитель, вставая во весь свой длинный ростъ и возбужденно махая руками; — я теперь — вотъ что: я прямо — вашъ! да! повѣрь мнѣ Миронъ, милый ты человѣкъ, ей-Богу! . . . примите меня, пожалуйста, въ этотъ вашъ мужицкій кружокъ? а? можетъ и я

пригожусь вамъ на что-нибудь? ну, хоть писаремъ — что-ли?

На глазахъ юноши сверкнули слезы.

Миронъ снисходительно засмѣялся.

— Ладно, ладно! — сказалъ онъ, протягиваю учителю сильную, загорѣлую лапу, — тамъ видно будетъ! парень ты хорошій! . . . только не ходи въ дьякона! не къ лицу это учителю!

— Ни за что! — вскричалъ учитель — какіе тамъ къ чорту дьякона? я съ вами! . . .

— Ну, то-то! . . .

— Это я такъ, сдуру болталъ, а теперь у меня голова просвѣтлѣла! ей-Богу, голубчикъ Миронъ!

И, принявъ степенный видъ, юноша дѣловито спросилъ:

— На счетъ чего будетъ собраніе?

— Михайлу Василича судить будемъ! — спокойно отвѣчалъ Миронъ.

— Судить? агронома? — изумился Дивногорскій; — это за что-же?

— А тамъ увидишь . . . Недовольны имъ мужики . . . Началъ онъ назадъ пятиться, какъ ракъ . . . А мужики на умѣ держутъ много . . . Вотъ теперь лѣса горятъ! — широко махнулъ онъ рукой . . . а придетъ осень — усадьбы запылаютъ! да!

Глаза Мирона сверкнули ненавистью.

Озадаченный учитель немножко попятился отъ мужика.

— У меня въ-аккуратъ есть книжечка для васъ по ефтому самому — какъ бы сказать — вопросу! — продолжалъ съ прежнимъ спокойствіемъ Миронъ и полѣзъ въ карманъ штановъ; онъ вытащилъ оттуда маленькую, сложенную вчетверо, книжонку и молча сунулъ ее учителю.

— Это что? — спросилъ тотъ, съ любопытствомъ развертывая тонкую бумагу.

Тогда Миронъ оглянулся по сторонамъ, близко наклонился къ плечу учителя и, понижая голосъ почти до шопота, сказалъ сильно, многозначительно и любовно: — Не-ля-га-шка!

Учитель вздрогнулъ и застылъ на мѣстѣ съ „нелягашкой“ въ рукѣ. Ротъ его раскрылся, сердце горѣло.

— Ничего, ничего . . . успокаивалъ его Миронъ — уходя: займись.

Глаза ихъ встрѣтились и оба они почувствовали, что теперь уже заключенъ между ними прочный, важный союзъ, какъ будто за время разговора души ихъ, наконецъ, соприкоснулись и одна изъ нихъ — горящая, побѣдила другую — темную.

III.

На затылкѣ кургана, тамъ, гдѣ по отлогому зеленому склону росла кудрявая роща, собралось на полянѣ человѣкъ двадцать-тридцать мужиковъ. Немного пониже горной дороги, въ тѣни деревьевъ, на горбѣ кургана, пестрѣли они своими разноцвѣтными рубахами: фигуры въ этихъ рубахахъ стояли, сидѣли, полулежали на травѣ въ разнообразныхъ позахъ.

Тутъ были пожилыя кудластыя головы, густыя черныя и рыжія бороды, лапти, сапоги, босыя ноги. Молодые парни были въ блузахъ и брюкахъ, и носили длинные волосы, закинутые назадъ.

Въ центрѣ всей группы, въ позахъ противниковъ, сидѣли другъ противъ друга Миронъ и земскій агрономъ Михайло Васильевичъ, давнишній другъ и руководитель буяновцевъ. Рядомъ съ Мирономъ сидѣлъ учитель.

Агрономъ и Миронъ спорили.

Всѣ слушали.

Михайло Василичъ былъ худенькій, маленькій человѣчекъ въ пиджакѣ, косовороткѣ и высокихъ сапогахъ. Блѣдное, нервное лицо его съ подстриженной, остренькой бородкой, въ которой уже пробивалась кое-гдѣ сѣдина, казалось измученнымъ.

Онъ полулежалъ на травѣ, нервно комкалъ и кусалъ сорванный стебель и внимательно, враждебно слушалъ. Говорилъ Миронъ.

— Пятнадцать лѣтъ — звучалъ его грудный голосъ — пятнадцать лѣтъ шепталъ ты намъ каждому по одиночкѣ, а которымъ чуть ли не съизмальства: поднимайтесь, а мы — спали, ходили въ потьмахъ, боялись, какъ маленькіе ребятишки. Мы тогда, правду сказать, мало что у тебя понимали. А всетаки мы думали: ежели придетъ это время, то ужъ никто, какъ онъ пойдетъ у насъ впереди . . .

Миронъ сидѣлъ въ центрѣ всей толпы, поджавъ подъ себя ноги, нервно возясь на мѣстѣ и сдвинувъ картузъ на затылокъ. Лицо его было серьезно, брови нахмурены, плотная грудь глубоко дышала; что-то сильное хотѣлъ онъ сказать и не находилъ подходящихъ словъ. Онъ перевелъ духъ, отеръ потъ со лба и хмуро задумался. Учитель подобострастно смотрѣлъ ему въ лицо. Толпа молчала.

По густымъ сочнымъ вѣтвямъ березъ, липъ и вязовъ скользилъ теплый весенній вѣтерокъ и листья тихо задумчиво шелестѣли. Сквозь темно-зеленую листву мелкими бликами пробивалось золото солнечнаго свѣта и падало пятнами на густой, зеленый коверъ травы. Солнце садилось за потемнѣвшія горы. Съ кургана раскрывался громадный горизонтъ: было видно Волгу, всю гряду жигулевскихъ горъ и безграничную, ровную степь. За Волгой темныя горы разостлали по ней свои черныя, какъ тучи, тѣни, а вдали, въ матовой дымкѣ вечерняго тумана гасли на солнцѣ золотыя главы церквей большого каменнаго города. Чуть слышно доносился оттуда серебристый звонъ колоколовъ. Съ грустью задумалась Волга, блестящая, какъ сталь. Все мрачнѣе и мрачнѣе становились тѣни.

Надъ лѣсомъ стоялъ дымъ.

Нѣжною, печальною грезой, восточной сказкой вѣяло кругомъ.

Вся страна была, какъ мучительно-грустная, красивая пѣсня о скованной силѣ, о задавленномъ гнѣвѣ. . .

Такъ хороши были эти печальныя горы . . . высокія, прямыя, какъ свѣчи, сосны . . . „Люблю“ . . . хотѣли сказать мягкія очертанія горъ, полная грудь Волги и тоскливая степная даль . . . „Люблю“ думало все кругомъ . . .

Горы и сосны молили небо о чемъ-то . . .

Но безжалостно смотрѣло оно и молчало.

— Выслушай ты насъ, пойми ты насъ! — нервно звенѣлъ голосъ Мирона.— Мы терпѣли и отцы наши терпѣли и дѣды и прадѣды терпѣли . . . Мы сотни лѣтъ терпѣли . . . А когда мы спрашивали — гдѣ — правда?— насъ усмиряли, сѣкли, сажали въ остроги и мы опять терпѣли. Конца не было нашему терпѣнію . . . Будь оно проклято — мужицкое терпѣніе! Кровавыми слезами мы поливали вотъ эту каменистую землю, костями своими удобряли ее. И — терпѣли . . .

Толпа безпокойно зашевелилась и глухо, невнятно застонала: не было словъ и не было ясныхъ восклицаній; былъ только стонъ и вздохъ одной общей груди.

— Но вотъ пришелъ конецъ нашему терпѣнію . . . мы пришли къ тебѣ и сказали: Веди насъ, указывай, что дѣлать; мы согласны! А ты что намъ сказалъ? Ты испугался первый! Ты не ведешь насъ и прочь не отходишь и даже — мѣшаешь намъ! Зачѣмъ же ты намъ столько лѣтъ говорилъ, коли словъ своихъ не можешь оправдать на дѣлѣ? Вспомни, какъ ты намъ возвѣщалъ о правдѣ и училъ какъ надо стоять за нее, жертвовать всѣмъ, что только есть у тебя, оставить все, что дорого сердцу, жену, отца и мать и — идти. И, когда у насъ открылись глаза — вспомни, легко ли намъ было исполнять то, что ты требовалъ? Мы по ночамъ ходили къ тебѣ, а наши жены не знали, куда мы ходимъ, допытывались, ревновали, плакали . . . Эхъ! Бывало сердце переворачивается, когда воротишься домой подъ утро,

а жена-то на крыльцѣ сидитъ и все ждетъ и все плачетъ, и не понимаетъ ничего! Да какъ начнетъ молить, чтобы сказалъ, кто ея разлучница, да головой объ землю биться, да обмирать — такъ свѣта божьяго не взвидишь! Я свою-то жену тогда подъ навѣсомъ съ возжей снялъ, да цѣлый годъ она бѣдная, не въ своемъ умѣ была — вотъ до чего доходило! . . . А разсказать, открыть — нельзя было: страшную клятву взялъ ты съ насъ, ты училъ насъ тайну свято хранить! и мы сохраняли. А старики воевали съ нами изъ-за Бога, изъ-за церкви, изъ-за постныхъ дней! . . . Что только было въ семьяхъ, какой содомъ! какая распря! Но для насъ твои рѣчи были какъ новая вѣра, за которую мы всѣ съ радостью готовы пострадать! . . .

Ты посмотри-ка теперь на село — что съ нимъ стало? Всѣ ходятъ со свѣтлымъ лицомъ, трезвые, точно къ причастію готовятся! А у тебя, скажи-ка, признайся, что на душѣ? Кажется намъ теперь, что одинъ только страхъ у тебя тамъ! страхомъ полна вся твоя душа!...

Ну, такъ что-же? Ступай куда-нибудь отъ насъ подальше, наспокой, мы тебя не неволимъ, только хоть не мѣшай ты намъ, ради Христа! . . . Кончилось время, когда по задворкамъ-то шептались, пора громко говорить! . . . Насталъ часъ идти намъ всѣмъ добывать свое мужицкое счастье! . . .

Слова о мужицкомъ счастьи Миронъ произнесъ торжественно, глубокимъ голосомъ. Этотъ крѣпкій, грудной голосъ дрогнулъ всѣмъ знакомой огненной дрожью, лицо Мирона преобразилось, глаза сверкнули слезами. Отъ глазъ и отъ словъ его изошла зажигающая сила. Онъ стоялъ передъ изможденной фигурой Михайла Василича, словно вылитый изъ бронзы, сильный, молодой, вдохновенный.

— Не становись на дорогѣ, Михайло Василичъ, уходи!—прошепталъ онъ, энергично тряхнувъ головой.

У Михайла Васильевича дрожали руки, мигали глаза, судорожно подергивались беззвучныя, блѣдныя губы. Толпа молчала.

Внизу, рядомъ съ курганомъ, сѣрѣли крыши избъ, тянулась, какъ лента, дорога, исчезавшая за селомъ въ сосновомъ лѣсу.

У берега чернѣла длинная баржа, отъ которой были спущены мостки на берегъ. На берегу виднѣлся складъ мѣшковъ съ хлѣбомъ. Толпа народа въ цвѣтныхъ рубахахъ усѣяла берегъ. Она все увеличивалась: къ ней со всего села сползались люди, казавшіеся съ высоты кургана кучкой разноцвѣтныхъ насѣкомыхъ. Все внизу уже тонуло въ сумеркахъ и только верхъ кургана освѣщался красными лучами солнца.

— Вѣрно ли я сказалъ? — спросилъ Миронъ, обращаясь къ собранію.

Толпа молчала. Въ ней копилась тяжесть, готовая оторваться и упасть, какъ нависшая капля.

— Вѣрно! — вдругъ рѣзко вымолвилъ кто-то.

И тогда что-то прорвалось и хлынуло. Всѣ загалдѣли разомъ.

— Вѣрно! Вѣрно! Все сказалъ!

— Пора въ отставку! Ха!

— Отобрать довѣренность!

— Пусть уходитъ! невозможно съ нимъ! . . . Несогласны! . . .

Михайло Васильевичъ поблѣднѣлъ. Губы его искривились, глаза часто замигали, лѣвая бровь подергивалась.

— Господа! — шевелилъ онъ губами, озираясь на всѣ стороны.

— Уходи! — кричали кругомъ возбужденныя, враждебныя лица.

Михайло Васильевичъ переводилъ растерянный взглядъ съ одного лица на другое, желая найти хоть одно сочувствующее и не находилъ. Онъ стоялъ на бугрѣ одинъ передъ бунтовавшей толпой.

— Уходи! — галдѣли мужики.

Тогда онъ сдѣлалъ отчаянный жестъ, прося слова и толпа мало-по-малу стихла.

Михайло Васильевичъ заговорилъ хриплымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Сначала онъ заикался и подбиралъ слова, но потомъ овладѣлъ собой, и сталъ говорить свободнѣе, горячо жестикулируя и пронизывая мужиковъ колющимъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Постойте! — крикнулъ — онъ въ чемъ дѣло? . . . за что вы гоните меня? . . . не за то-ли, что я пятнадцать лѣтъ воспитывалъ, развивалъ . . . училъ васъ? пятнадцать лѣтъ шептался съ вами по задворкамъ? но какъ бы я могъ иначе говорить, если бы не шептался? я шепталъ вамъ великія слова . . . слова о правдѣ . . . о человѣческомъ счастьи . . . о томъ, чтобы вы поднялись когда-нибудь . . . я налагалъ на васъ страшныя клятвы и вы держали ихъ, вы повиновались одному моему слову, вы всегда вѣрили мнѣ . . . И оттого я пробылъ съ вами такъ долго и создалъ васъ! Не за то ли вы гоните меня, что я отдалъ вамъ лучшую часть моей жизни, или можетъ быть за то, что я любилъ васъ, какъ своихъ дѣтей?

— Теперь — дальше: вы укоряете меня за то, что вы рѣшили „подниматься", а я не соглашаюсь подниматься вмѣстѣ съ вами? не исполняю моихъ словъ на дѣлѣ? Но какъ вы поднимаетесь? стихійно! вы поджигаете лѣсъ, открыто захватываете землю, собираетесь громить помѣщиковъ! Мнѣ не жалко лѣса и не жалко помѣщиковъ, мнѣ жалко васъ! Васъ разгромятъ казаки, васъ перебьютъ, разсажаютъ по тюрьмамъ! Погибнетъ мой трудъ, погибнетъ все, надъ чѣмъ я трудился пятнадцать лѣтъ! Если за это вы гоните меня, то я откровенно заявляю вамъ: да, я не пойду впереди васъ, я буду останавливать васъ на этомъ пути, до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпечена побѣда. Я умоляю васъ, подождите! готовтесь понемножку, потихоньку, не вступайте

въ открытую борьбу . . . Я всю жизнь боялся, всю жизнь трепеталъ, всю жизнь хитрилъ и говорилъ шепотомъ — и теперь уже не могу иначе и не вѣрю еще, что настало время громко говорить! . . . Можетъ быть придетъ время, когда я рѣшусь и докажу своею смертью, что не смерти я боялся! Послушайтесь меня, какъ слушались прежде, не выходите подъ выстрѣлы, поберегите себя, вы — мужичья интеллигенція, васъ мало! васъ перебьютъ свои же, темные, несознательные односельчане . . .

— Вы подумайте только, что начинается теперь въ деревняхъ: все перемѣшалось, перепуталось, какая-то всеобщая смута, льется кровь, отнимаютъ землю, лѣсъ разгорается . . .

— Будетъ! — крикнули ему — поздно тушить! и не тебѣ бы за это дѣло браться! Сказано — уходи!

— Довольно, Михайла Василичъ, брось возжи! теперь мы сами хотимъ, одни! безъ тебя! не хотимъ по старому! Мужики размахивали руками и возбужденно шумѣли.

— Врутъ, всѣхъ не перебьютъ!

— Чего тутъ? уходи домой!

— У насъ Миронъ будетъ замѣсто тебя!

— Не хочешь быть впереди, такъ останешься сзади!

— Онъ — ни взадъ, — ни впередъ!

— Стара стала — уставать стала!

Краска сдержаннаго гнѣва залила блѣдныя щеки агронома. Прощайте! больше не объ чемъ говорить! — прерывающимся голосомъ рѣзко крикнулъ Михайло Васильевичъ; онъ весь перекосился, безнадежно махнулъ рукой, повернулся отъ мужиковъ и сталъ спускаться съ бурга внизъ по откосу. Ноги его скользили по влажной травѣ и онъ, прыгая, побѣжалъ внизъ, раскинувъ руки, какъ подшибленныя крылья. На бѣгу онъ цѣплялся за кусты и камни, падая то на одну, то на

другую сторону и былъ въ это время похожъ на подстрѣленную птицу.

Онъ бѣжалъ все быстрѣе, спотыкаясь и поднимаясь, и, наконецъ, пропалъ изъ глазъ.

* * *

Солнце погасло за горами и только широкое, кровавозолотое зарево весенняго заката великолѣпно пылало и медленно гасло на причудливыхъ облакахъ. Закатъ былъ гнѣвнымъ: его золотистыя краски чуть замѣтно багровѣли, сгущались, темнѣли и блекли. А уже все кругомъ одѣвалось мягкими печальными тѣнями, погружалось въ густую, теплую тьму. И на все легла печать грусти и величавой, строгой думы: какъ будто великій гнѣвъ и безмолвную, смертельную боль затаило въ себѣ могучее, молчаливое сердце.

Вдали задрожали безчисленные, серебристые городскіе огни. Съ темнѣющаго неба одна за другой стали выглядывать любопытныя, милыя звѣздочки, а надъ лѣсомъ ясно обозначилось грандіозное зарево лѣсного пожара. Угасающій закатъ перелился въ грозное, живое пламя.

Казалось, что за гребнемъ темныхъ, угрюмо-задумчивыхъ горъ бушуетъ огненно-кровавое море, что оно идетъ все ближе и ближе, охватывая лѣсъ.

Алыя волны рдѣли, вздымались и падали и опять вздымалися, а надъ ними трагически пылало небо.

Свѣтъ колоссальнаго пожара озарилъ весь курганъ отъ подошвы до вершины фантастическимъ красноватымъ сіяніемъ и оно возбуждало людей, раздражало и звало куда-то.

Внизу, около подошвы кургана, отблески огня освѣщали огромную черную толпу народа: она копошилась и сердито ворчала.

Отъ околицы села скакалъ къ ней отрядъ казаковъ; съ кургана было видно, какъ болтались за ихъ спинами ружья.

Мужики на курганѣ всѣ обернулись лицомъ къ Мирону.

Освѣщенный краснымъ заревомъ, въ рубахѣ, съ шапкой на затылкѣ, приставивши щитомъ ладонь одной руки къ глазамъ, а другой отстраняя отъ себя учителя, который хотѣлъ ему что-то сказать, онъ стоялъ выше всѣхъ ихъ, на бугрѣ, откуда только что сошелъ Михайла Васильевичъ.

Лицо Мирона выражало напряженное, сумрачное вниманіе, глаза стали острыми и, словно впиваясь во что-то, грозно смотрѣли изъ подъ густыхъ, сдвинутыхъ бровей поверхъ ихъ головъ, туда, гдѣ готовилась битва.

Въ воздухѣ пахло дымомъ.

Лѣсъ разгорался . . .

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 771

PG
34
P

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.